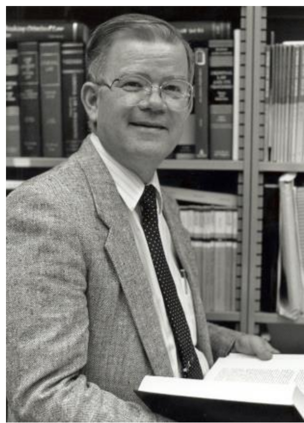
VISIT…

LANZAROTE
Caliente.com

Интервью профессора университета Беркли Филиппа Джонсона журналу "AGAIN" о дарвинизме и «Разумном замысле»

AGAIN. №4. 1997–98

Филипп Э. Джонсон (Phillip E. Johnson) (род. 1940) – профессор юридического факультета Калифорнийского университета в Беркли, и автор книги «Дарвин под следствием», основоположник движения «Разумного замысла».

AGAIN: Хочу поблагодарить Вас за то, что Вы выкроили время для интервью нашему журналу. Пожалуйста, расскажите тем читателям, кто встречается с Вами впервые: как случилось, что Вы, юрист, профессор права из университета Беркли, стали оспаривать мнение ученых и написали, скажем, неожиданные книги о Дарвине и теории эволюции.

Ф. Джонсон: Я начал исследовать дарвинизм в 1987–88 академическом году. Я работал в колледже при Лондонском университете, и в этот год был свободен от лекций. Точнее, вопрос дарвинизма заинтересовал меня после того, как я прочел две книги. Первая – "Слепой часовщик" Ричарда Докинса (Blind Watchmaker, Richard Dawkins). Мне кажется, это лучшая из всех современных трактовок классического дарвинизма. Я считаю эту книгу новым изданием "Происхождения видов". Второй книгой была "Эволюция: Кризис теории" молекулярного биолога Майкла Дентона (Evolution: Theory in Crisis, Michael Denton). Обе книги вышли примерно в одно время. Знаете, чем поразил меня дарвинизм? Я увидел, что это проблема, выходящая далеко за пределы науки. Вот вам одна из причин, по которой профессор права занялся этим вопросом. Дарвинизм – лишь вариант истории о сотворении мира, принятый в нашей культуре. Он рассказывает нам о том, как мы возникли и какое место занимаем в окружающей действительности. Суть дарвинизма в утверждении, что мы не были специально сотворены кем-либо, а именно, Богом, который дал нам особое предназначение. Наоборот, мы и все остальные живые существа – всего лишь результат бессмысленного эволюционного процесса материи. Заметьте, основные черты этого процесса – он лишен разума и материален. Ричард Докинс ставил перед собой цель объяснить, как работает этот процесс. Что я заметил сразу же, с первых строчек: автор уже определил для себя ответы на некоторые основные вопросы. А именно: он хотел доказать, что мы – плод неразумного материального процесса. Сперва он предположил это, а потом уже стал искать доказательства и примеры, которые смог бы использовать для подтверждения этой точки зрения. Само же предположение никто не проверял, и поэтому его нельзя считать действительно научным. Это – философия или метафизика. И мне кажется, что это лучше всего объясняет, почему профессор права занимается этим вопросом. Все дело в том, что в действительности дарвинизм не пытались обосновать научными фактами. Это – философское учение, и нужно ясно определить какие же физические предпосылки лежат в его основании.

AGAIN: Насколько Ваши знания и опыт в ведении логических дебатов и вообще в юриспруденции помог Вам увидеть всю проблему противостояния теорий эволюции и сотворения? Какое значение имел факт, что вы не относитесь к научным кругам? Помогло это Вам или, наоборот, мешало?

Ф. Джонсон: Так как я не принадлежу к научным кругам, я могу ни на кого не оглядываться при рассмотрении этого вопроса. Собственно говоря, уже давно пора было кому-нибудь постороннему, со стороны, заняться пересмотром этого вопроса. Трудность, как я уже говорил, состоит именно в том, чтобы верно определить, выявить, что в дарвинизме – лишь предположение из области философии, и сделать это может даже тот, кто не знаком со специфически научными данными. Такую работу может сделать тот, на кого не давят научные авторитеты, и кто не может впоследствии подвергнуться гонению со стороны тех же самых авторитетов в науке. Если бы биолог попытался сделать то, что сделал я, он уже никогда не получил бы должности в университете, финансирования исследований, или каким-либо иным способом был бы изгнан из научного сообщества. Я пытаюсь сделать изучение этих вопросов безопасным для биологов, но в этой ситуации каждый действует на свой профессиональный страх и риск. Собственно, именно это и есть ключевой вопрос, потому что многие из моих оппонентов – дарвинистов, эволюционных биологов – стремятся убедить общественность, что это – сугубо научный вопрос, и, чтобы его понять, нужно иметь не менее чем докторскую степень в биологии. Это по меньшей мере забавно, так как все ведущие дарвинисты, начиная с самого Дарвина и его соратника Томаса Гексли, заканчивая нашими современниками Ричардом Докинсом и Стивеном Дж. Гоулдом, писали книги для самой широкой публики. И все они утверждают, что вы вполне способны понять то, что в них написано. И как только вы ознакомитесь с их теорией, вы поймете, что она права, если, конечно, вы не полный невежда, не безнадежно глупы, не страдаете от предрассудков

или ваш ум не извращен окончательно. Но если вы скажете: "Послушайте, ваши доказательства не доказывают, что вы правы, собственно говоря, они и доказательствами-то не являются. Все, что вы говорите – неправда", у них готов ответ: "Вам, вероятно, не под силу понять этого. Доказательства есть, но они не на поверхности. Чтобы их понять, нужно иметь научную степень по биологии". Таким образом, это дело как раз подходит тому, кто привык заниматься вылавливанием замаскированных скрытых предположений, знакомому с техникой ложной аргументации, и кто способен раскрыть ложную аргументацию дарвинизма для публики. Собственно говоря, именно этим я и занимаюсь.

AGAIN: Ваши статьи напечатаны в Christianity Today, World Magazine и San Francisco Chronicle. Могли ли вы представить себе, когда начали заниматься дарвинизмом, что пойдете настолько далеко, и в таких масштабах? В последнее время вы заинтересовали многих.

Ф. Джонсон: Да, я ожидал, что пойду вглубь проблемы, и могу сказать, что все идет так, как было запланировано – особых неожиданностей у меня не было. Это серьезный, многоплановый вопрос, потому что это – миф о сотворении мира, созданный нашей культурой. И если уж настало время усомниться в нем, значит, пришло время для больших новостей, и открытий будет к каждым днем все больше и больше. Когда я только приступал к этой проблеме, передо мной стояла главная задача – изменить сложившуюся ситуацию. Недостатки теории Дарвина не могли остаться незамеченными для множества людей, и все существенные аргументы против нее имеют солидную историю. Вы постоянно встречаете их в литературе, и все, что вам нужно – это покопаться и собрать их вместе. Проблема в том, что никому не удавалось собрать все воедино таким образом, чтобы изменить существующий стереотип в науке. Собственно, никто не мешает вам усомниться в самом подходе к проблеме. Причина? Критики рассматривали эту проблему как исключительно научный вопрос. Итак, вы усомнились в доказательствах. Вы говорите: "Они так и не доказали, что естественный отбор способен создать что-либо. Летопись окаменелостей не дает тех доказательств, которые ожидает от нее теория. То же можно сказать и о молекулярной биологии. И так далее и тому подобное". И каждый из ваших аргументов сам по себе действительно силен. Но на них существует вечный и универсальный ответ "А что же предлагаете вы?" И вам нужно привести свои доказательства, которые должны быть квалифицированы как научные, под чем подразумевается, что они должны отвечать материалистической теории. Итак, если вы согласны играть по таким правилам, то вы выбываете из рядов критиков дарвинизма. Ведь современная версия теории Дарвина – неодарвинистский синтез, как замечательно ее назвали – просто более успешные материалистические умозаключения о том, как бы все могло бы появиться на свет. Научное сообщество должно быть готово выбросить эту особенную теорию на помойку сразу же, как только вы представите им материалистическую альтернативную теорию, в которой не зияли бы дыры. Но такой теории не существует. Итак, если дарвинизм ошибочен в корне, то так же ошибочен и материализм. Это значит, что существует нечто вне действительности, доступной для научного изучения. Нечто сверхъестественное, другими словами, Создатель. Но именно эта точка зрения целиком неприемлема для научного сообщества, так как они преданно считают материализм своей системой отсчета.

AGAIN: Не пуская Божественное Начало на порог, как вы отметили в своей статье?

Ф. Джонсон: Именно. Ричард Левинтон в Нью-йоркском Книжном обозрении (янв., 4 изд., 1997) замечательно выразил эту мысль: "Мы верим в эту эволюционную теорию и подобные ей потому что мы (основная масса ученых) изначально преданны материализму как философии". Затем он сказал: " Эта преданность должна быть абсолютной, потому что мы не можем позволить божественному началу ступить на наш порог. Как только мы позволим божественному войти, то с каждым днем дверь будет открываться все шире и шире, и все те люди, что стояли за дверью, смогут войти и высказать нам свое мнение". Вот в чем суть дарвинизма. Он поддерживает в мире материалистическую философию.

AGAIN: Давайте определимся в терминах. Когда вы упоминаете слово "креационист", сторонник теории сотворения, что вы подразумеваете под этим? Вы имеете в виду тех, кто верит, что каждый из шести дней Книги Бытия длился 24 часа? Что именно вы подразумеваете под словом "креационист"?

Ф. Джонсон: Говоря точно, креационист, или сторонник теории сотворения, это человек, верящий в Создателя. Сейчас же, когда это слово используют в пропагандистских целях, в средствах массовой информации этим словом называют приверженцев теории шести дней, молодой Земли, а также тех, кто требует буквально трактовать Библию. Ярые защитники теории Дарвина пытаются убедить всех, что даже самые упрямые буквалисты-сторонники Библии признают выведение пород собак, вариации клювов у вьюрков и еще некоторые примеры изменчивости, хотя и очень неохотно. Разве это позиция? Это настоящая карикатура! На самом деле креационист – это человек, верящий в существование Создателя, который сотворил нас в соответствии с Собственным планом. Как это происходило – внезапно, за шесть дней, несколько тысяч лет назад, или миллионы лет назад и более постепенно – это вопрос деталей. Да, наверное, для некоторых аспектов это важно. Но все же вопрос времени вторичен, главное – признание того, что существует Создатель.

AGAIN: А кто же тогда эволюционист?

Ф. Джонсон: Ну, если говорить об эволюции в широком смысле этого слова, то все верят в нее, включая тех, кто изучает различные особенности внутри видов. Основной пример эволюции, который приводит научное сообщество в наши дни – небольшие вариации средней длины клюва у вьюрков, живущих на острове в Тихом Океане. Кроме того, говорят о породах собак и других сходных явлениях. Когда я выступал с лекциями, на телевидении и радио, я всегда просил дать мне определение эволюции. Сторонники теории

Дарвина определяли ее как предположение о том, что в истории мира существовали некие изменения. Если эволюцию определять именно так, любой согласится, что это – правда. Но затем эти некие изменения волшебным образом превращаются в совершенно материалистический процесс сотворения, в результате которого появились весь спектр удивительных существ, причем без малейшего вмешательства разума, управляющего этим процессом. Чтобы данный вопрос имел хоть какой-то смысл, первым делом нужно определиться с терминами. Типичный пример того, как манипулируют термином эволюция, пытаясь заставить вас поверить в нечто совершенно элементарное, например, выведение пород собак. Вы верите в выведение пород, вам говорят, что это и есть эволюция. Выходит, вы верите в эволюцию. А уже потом они объясняют вам, что именно значит это слово. Это типичная манипуляция, к которой так часто прибегают основные сторонники Дарвина. Лично я предпочитаю термин дарвинизм – слово эволюция слишком многозначно, и с ним слишком легко запутаться. А под дарвинизмом я подразумеваю материальную, натуралистическую эволюцию: процесс, в результате которого предположительно появились все живые организмы, существующие в наше время, процесс; не требовавший участия создателя или руководства разума.

AGAIN: Я читал вашу книгу "Дело о Дарвине" (Darwin on Trial) целое лето, и она мне очень понравилась. Название, которые Вы дали ей, имеет явную параллель с книгой и пьесой "Ветер в наследство" (Inherit the Wind) – литературной обработкой документов процесса Скоупса, нашумевшего "обезьяньего процесса" двадцатых годов. Сразу же вспоминается узколобый фанатик Мэтью Гаррисон Брейди, и то, как гуманист Генри Драммонд просто стер его в порошок. Почему Вы выбрали именно эту параллель, ведь многие христиане, скорее всего, не захотят будить подобные ассоциации? Они просто не захотят иметь ничего общего с самой концепцией.

Ф. Джонсон: Целая глава моей последней книги "Раскрытие умов, побеждающее дарвинизм" (Defeating Darwinism by Opening Minds) посвящена фильму "Ветер в наследство". Я подробно описал, почему то, что я называю синдромом, или стереотипом "Ветра в наследство", является чрезвычайно мощным оружием в данном идеологическом конфликте. В своем вопросе вы сами наметили эти причины. Пьеса и фильм – это литературная обработка состоявшегося в 1925 году процесса Скоупса, их нельзя считать историческими документами, так как факты в них искажены. Начнем с того, что настоящий процесс Скоупса организован исключительно на публику, это было своего рода представление. Никого не посадили в тюрьму, в принципе, реальной угрозы тюремного заключения и не было вовсе. Это были искусно рассчитанные дебаты, выстроенные на сфабрикованном судебном иске. Этот процесс был состряпан Американским Союзом Гражданских Свобод (American Civil Liberties Union) для того, чтобы создать прецедент. Это, так сказать, был их пробный шар. Учитель Скоупс сам изъявил желание сыграть роль обвиняемого, хотя и сомневался, что вообще когда-то рассказывал ученикам об эволюции. Но и в пьесе, и в фильме вы увидите, как несколько полицейских, по виду типичных гестаповцев, арестовывают учителя прямо в классе и волокут его в участок. Секулярные гуманисты в фильме – адвокат и учитель – просто воплощают в себе все добродетели. В то же время сторонники теории сотворения напоминают мои студенческие годы, когда я впервые прочел эту книгу. Мне было неловко, что я – христианин, и я старался не привлекать к себе внимание в классе, не затрагивая данного вопроса, поскольку, казалось, уже все сказано. Таким образом, это – примитивная пьеса-моралите, в которой христиане выступают в роли плохих ребят, а секулярные гуманисты – хороших ребят. И, вполне естественно, что как только вы пожелаете посмотреть на христианство с точки зрения эволюционного натурализма, вы сами сможете стать одним из хороших ребят. Особо важно, что этот стереотип вбит навечно в головы всех журналистов, кто пишет об этом процессе. Именно этому их учили в школе. И когда родители приходят в школу, ее руководство разыгрывает спектакль о деле Скоупса. Речь идет не о реально происходившем судебном процессе, а о "Ветре в наследство". Родителям тут же приписывается требование отменить преподавание естественных наук, и уж конечно единственное, чего он хочет от учителей – чтобы они на уроках биологии читали вслух студентам Книгу Бытия, забросив надлежащее препарирование лягушек и изучение строения цветка. Это – искажение. И каждый, кто собирается критиковать дарвинскую эволюцию, должен быть готов, что о нем будут говорить то же самое. Это – пропаганда, подобная той, которую используют правительства тоталитарных государств. Просто удивительно, как наша пресса, которая на все имеет свою личную точку зрения, настолько попала под влияние этого стереотипа.

AGAIN: В книге вы говорите насколько важно то, в чьих руках микрофон.

Ф. Джонсон: В "Ветре в наследство", в самом конце, есть замечательная сцена. Мэтью Гаррисон Брейди, обвинитель, пытавшийся остановить преподавание эволюции, смущен и пытается показать, что они невежественны, что их мировоззрение ограничено Библией, что единственное божественное, что они несут людям – страх перед наказанием для тех, кто осмелится перечить им. Они обманывают людей и пытаются помешать свадьбе прекрасной молодой девушки и героического учителя. И тут-то на сцене появляется человек с микрофоном. Вот что написано о нем в ремарках пьесы. Этот человек – радиорепортер WGN из Чикаго, со станции Чикаго Трибьюн, которая собирается транслировать процесс. Это будет самый первый случай трансляции судебного процесса. То есть это как бы дело О. Дж. Симпсона своего времени. На сцену выходят средства массовой информации. Человек, контролирующий микрофон, имеет возможность выбирать, что будет доходить до публики, а что – нет. Это ясно, как дважды два. И поэтому когда Мэтью Гаррисон Брейди собравшись с силами, говорит, что необходимо менее ограниченное, сбалансированное преподавание этого предмета вместо той пропагандистской, догматичной и неточной теории, что представлена в учебниках (и именно эту речь должны осветить газеты), репортеры часто говорят: "Это речь, а радиослушатели не любят речей, им скучно". И пусть он – непревзойденный оратор, и пусть он прекрасно отразил проблему, микрофона ему не видать. И радиорепортер говорит "А теперь вернемся в студию и послушаем не-

много музыки", и отключает бедного Брейди. О чем это говорит нам? Конечно же – о могуществе средств массовой информации, о силе прессы, в том числе и электронной, которая решает, что именно должна услышать публика. И что бы ни говорили критики дарвинизма, все, что доносится до людей – это "Ветер в наследство", или религиозные книги, или догмы, и ничего, что могло бы быть проверено. Но ученые, начиная с самого Дарвина, должны строить свою работу на сухих, научных, истинных фактах. Мы – ученые, а не философы.

AGAIN: Как известно, это крайне искаженное отражение реальности. Стереотип "Ветра в наследство" утверждает, что спор между теориями сотворения и эволюции означает противостояние между Библией и фактами. То есть в Библии рассказано о некоторых вещах, которым определенные люди верят вне зависимости от имеющихся фактов. Говорят, что это – всего лишь слепая вера.

Ф. Джонсон: Вы отметили, видимо, основу всего конфликта. Секулярные эволюционисты при виде креациониста не могут удержаться от очередной шпильки в его адрес, приводя аргументы типа: "Вы основали свою теорию на предрассудках. Обнаружены факты, опровергающие сказанное в Библии". Весь вопрос лишь в том, захотите ли вы отбросить предрассудки и принять эти доказательства. Иначе вас сочтут фундаменталистом, слепо верующим и поэтому отвергающим факты. Это – как раз описанный вами стереотип. Но на самом деле ситуация совершенно иная. Я объясняю это так: в нашей культуре существует наука двух типов. Первый: вы следуете фактам, куда бы это вас не завело. Вы изучаете факты без предубежденности, и что бы не говорили доказательства, вы следуете за ними. У вас не должно быть ни страха, ни предпочтений. В этом смысле, конечно, наука должна быть независимой ни от Библии, ни от политического контроля, ни от какого бы то ни было контроля вообще. Только тогда она сможет без оглядки продвигаться вперед. А вот второй вид, тот, что доминирует в нашей культуре – наука, построенная на философии материализма. Так, когда мы рассматриваем вопрос происхождения жизни, то есть случай, когда непосредственной проверки быть не может – ведь никто не может увидеть, как именно появлялась жизнь, вы можете только представить себе, как это было – в этом случае наука начинает с утверждения, что материалистическая точка зрения – истинная. Как сказал Ричард Левинтон, которого я уже цитировал, ученые-эволюционисты априорно (то есть до ознакомления с фактами) считают материализм своей философией. А это значит, что по определению должен существовать исключительно материальный эволюционный процесс, в результате которого появилась жизнь. Основной текст Библии в данном случае – не в Книге Бытия, а в прологе Евангелия от Иоанна "В начале было Слово". Материализм же отрицает это, утверждая, что "В начале были бессмысленно двигающиеся частицы". Если вы начинаете рассуждения с такой точки зрения, то отсюда неумолимо следует, и это лишь вопрос логики, что эволюция – это сугубо материальный, неуправляемый процесс. И это понятно, ведь управлять чем-либо может только разум, а ведь он мог появиться только в результате эволюции из чего-то, не обладающего разумом, и только в процессе материальной эволюции. Таким образом, согласно логическому определению, что-то типа теории Дарвина должно быть правдой. Процесс возникновения жизни должен предусматривать случайные изменения, так как при отрицании наличия внешнего разума это – единственное, что можно позволить себе. Но одного случая недостаточно. У вас должно быть нечто, что должно определять путь развития сложных организмов. Как говорит Ричард Докинс: "Биология – это изучение сложных вещей, выглядящих так, будто их специально создали такими". И вот, у вас есть нечто, заменяющее создателя, и это нечто – естественный отбор. Большое спасибо Дарвину. Когда работает логика такой философии, единственный вопрос – разработка деталей. Фундаменталистов не сбить с толку. Интересно то, что если посмотреть на имеющиеся факты, отбросив философские предубеждения, то все факты укажут нам на то, что Создатель должен быть. Биологические организмы не просто сложны, они – сложнейшее переплетение сложнейших взаимодействующих комплексов и компонентов, намного превосходящих по сложности такие технические достижения как компьютер и космические корабли. Молекулярный биолог Майкл Бихе (Behe) продемонстрировал, насколько сложны молекулярные системы. Как именно? В наличии имеются не просто сложные единицы, а множество таких компонентов, и чтобы каждый из них мог выполнять свою полезную функцию, они должны работать очень точно и слаженно. Очевидно, что механический процесс, не управляемый разумом, построить такие компоненты не в силах. Критики признают, что позиция Бихе верна, и его точка зрения точна, но при этом добавляют: "Он просто не может предложить альтернативный вариант. Ведь если существует безграничная сложность, тогда напрашивается идея замысла, а из этого следует наличие Создателя. А как сказал Ричард Левинтон, мы не можем допустить проникновения божественного в науку". Получается, что дарвинисты, так любящие обвинять креационистов в догматизме, именно так поступают сами, цепляясь за собственную философию. Вот их кредо: Доказательства второстепенны. Ищите только то, что подтверждает нашу философскую точку зрения.

AGAIN: Позвольте мне продолжить. Когда смотришь передачу по телевидению, или читаешь научную книгу или учебник по эволюции, кажется, что все, что там говорится – просто железные факты, которые невозможно опровергнуть. Как можно даже усомниться в них? Но ваши книги говорят нам о том, что происходит, когда выключаются камеры и заканчивается лекция на публику. Оказывается, кое-кто из ведущих защитников теории эволюции имеет сильные сомнения относительно всей проблемы, и дело даже не в том, с чем именно они соглашаются или не соглашаются. Вы упомянули Стивена Дж. Гоулда и Ричарда Докинса. Можете ли вы сказать нам, какие именно провалы теории, по их мнению, не видны нам, пока идет съемка и продолжается лекция? Нашли ли Вы нечто такое, что могло бы раскрыть нам серьезные проблемы?

Ф. Джонсон: Можно отметить несколько аспектов. Первая и самая очевидная проблема – окаменелости. Дарвинисты очень любят рассказывать о нескольких находках, приводя их в качестве доказательства

своей теории. Они считают эти окаменелости похожими на промежуточные формы процесса макроэволюционных изменений. Но при этом они отлично знают (но никогда не скажут вам этого!), что эти находки – всего лишь крупица из многих тонн находок, которые совершенно не вписываются в картину, предложенную Дарвиным. Собственно говоря, чем полнее данные летописи окаменелостей, тем очевиднее они доказывают ошибочность теории Дарвина. Совершенно странным образом дарвинисты подбирают свои доказательства среди находок, сделанных на суше, то есть там, где окаменелости сохранились хуже всего. Чем хуже сохранилась окаменелость, тем легче вокруг нее строить подробности теории. Но в случае с морскими животными мы имеем относительно полную картину, там сохранность останков хорошая. И тут совершенно нет признаков постепенного, шаг за шагом, превращения одного животного в другое, коренным образом отличного от исходного. Заметны вариации внутривидовые, то есть признаки микроэволюции, но совершенно отсутствуют фундаментальные изменения.

Вторая область – эмбриология. Учебники, справочники, телевизионные передачи и по сей день пытаются навязать нам очередную версию насквозь фальшивой теории рекапитуляции, что онтогенез повторяет филогенез. Если говорить проще, они считают, что зародыш человека в своем развитии проходит все стадии эволюции: рыбы, амфибии, рептилии и т.д. Но наука опровергла эту теорию уже несколько десятилетий назад. Собственно говоря, теория-то эта была построена на сфабрикованных рисунках, и уже сто лет тому назад было известно, что рисунки эти особым образом отретушированы. Но тем не менее именно эти иллюстрации до сих пор можно увидеть в учебниках биологии и в телевизионных передачах. Их показывают нам, пытаясь доказать, что в эмбриологии можно найти доказательства эволюции животного мира. Но это неправда. Я уже говорил о Майкле Бихе и его исследованиях. Посмотрите научную литературу – молекулярные биологи даже и не пытаются говорить о том, какие именно молекулярные системы могли получиться в ходе эволюции по Дарвину. Они даже не пытаются этого делать – у них нет удобоваримых версий. В конце концов вы приходите к мысли, которая уже осенила многих членов научного сообщества. Функционирование организма определяется информацией – своего рода инструкцией, аналогичной программе для компьютера. Так вот эту информацию ученые не могут объяснить никакими силами. Хотите параллель? Представьте себе книгу, полную сложнейшей информации – продукта разума автора. Эта информация запечатлена в бумаге и краске, или электрических импульсах на компьютерном диске. Но на самом деле информация – это нечто совершенно иное, и ни в коем случае нельзя считать что она – это всего лишь материал, на который ее тем или иным образом закодировали. Вы можете быть выдающимся знатоком химических законов, управляющих взаимодействием чернил и бумаги, но это не поможет вам извлечь информацию, содержащуюся в книге, и вы не узнаете, откуда эта информация взялась. Так и материалистические биологические теории, такие как неодарвинизм, пытаются, с позволения сказать, объяснить информацию, которую содержат пьесы Шекспира, рассуждая о свойствах бумаги и чернил. Это бессмысленно. Если анализировать аспект за аспектом, станет ясно, что дарвинизм находится в конфликте с фактами, научные доказательства говорят совершенно противоположное. И тем не менее дарвинизм жив, и жив он только благодаря своей философской основе. Ведь если материалистическая точка зрения истинна, то дарвинизм, какую бы он форму не принимал, тоже считается истинным, и доказательства против уже не берутся во внимание. В этом суть проблемы.

AGAIN: Во времена Дарвина большая часть научной информации была еще неизвестна. Если бы она была доступна уже в то время, как бы это повлияло на положение вещей?

Ф. Джонсон: Собственно говоря, современникам Дарвина были известны многие из этих фактов. Не было данных молекулярной биологии, а также информации из других областей науки. Но первые противники дарвинизма были отнюдь не священники и не богословы, что бы вам не говорили об этом. Критиковали дарвинизм специалисты, ученые, в частности – специалисты по окаменелостям. Они считали, что теория не соответствует фактам. Но несмотря на противостояние, победил Дарвин, потому что весь научный мир заразился этой материалистической методологией. Во всем, что противоречило теории Дарвина, усматривали поиски сверхъестественного в том или ином виде, и тогда же возникла тенденция вычеркивать это из области науки. Материалистическая методология стала основополагающей.

AGAIN: Давайте вернемся к теме образования. Очевидно, Вас беспокоит происходящее в аудиториях. Из ваших книг видно, что вас волнует то, как нашим детям преподают теории сотворения и эволюции. Как вы считаете, насколько вредно материалистическое секулярное мировоззрение в классе? Хочу задать риторический вопрос: вы действительно считаете, что направление, в котором школьники ищут ответы – вопрос свободы слова?

Ф. Джонсон: На самом деле, это тема моей второй книги, Reason in the Balance. Когда детей учат повторять заклинание "Эволюция – это факт", а это происходит повсеместно во всей нашей системе общественного образования, и даже в некоторых религиозных школах, то на самом деле мы их учим тому, что фактом является материализм. Мы учим их тому, что Бог не является нашим Творцом, что наш создатель – материалистический эволюционный процесс. Сейчас такая точка зрения может уживаться с религиозным мировоззрением, так как религия в некотором смысле стала гораздо терпимее к материализму и натурализму. Как считают материалисты, неуправляемый материальный процесс привел к возникновению жизни, а когда в результате эволюции появились люди, вместе с ними появились и религиозные идеи. Предполагается такой вариант: это не Бог создал нас, а мы сами создали Бога. Другими словами, примитивные первобытные люди, не имевшие представления о своем истинном Создателе, эволюции, придумали себе некоего отца на небесах, и наделили его определенными свойствами. Но теперь-то все стало на свои места, вы узнали, что нас создала эволюция, и это означает смерть Бога. В свою очередь это значит, что умер и

авторитет Бога в вопросе морали. Таким образом, из материалистического понимания нашего происхождения напрямую следует, что мораль – не более чем человеческая выдумка. Это своего рода договоренность, которую люди заключают между собой, и в любой момент могут изменить правила игры по своему усмотрению. Все всегда можно исправить, откорректировать. Требования к морали эволюционируют, как и все остальное, и именно поэтому в школах учат релятивизму во всем, кроме вопросов политической корректности. Но обратите внимание, тогда и политическая корректность может возникнуть только под воздействием силы, так как она тоже не может считаться абсолютной истиной. Таким образом, следствие материализма – философия силы, философия, в которой истина устанавливается силовым методом. Истина – это то, что говорят нам люди, в чьих руках власть. Собственно говоря, следуя эволюционной мысли, наш разум – лишь продукт естественного отбора, и единственное, для чего он хорош – помочь нам оставить больше потомства, чем какая-нибудь другая особь. Это все, чего от нас требует естественный отбор. И истина всегда будет недоступна для нас. Мы можем знать только то, что действует. Все это имеет серьезнейшие философские последствия, и действительно становится для нашей культуры официально признанной религией. Это настолько далеко от христианства, насколько только можно себе представить.

AGAIN: Мне кажется, что для люди без научного образования или не имеющие доступа к научной информации нет никакой проблемы в том, что Ной взял на ковчег вместе с другими животными динозавров. Кажется, что родители не особо стремятся решать возникающие вопросы таким образом, чтобы прояснить для себя всю проблему. Видимо, большинство бросает эту затею, не успев даже задуматься. Можете ли вы чем-нибудь помочь тем, кто оказывается в такой ситуации? Что можно им посоветовать?

Ф. Джонсон: Я надеюсь, что им смогут помочь мои советы в книге "Раскрытие умов, побеждающее дарвинизм" (Defeating Darwinism by Opening Minds). Они, в частности, адресованы молодым людям, тянущимся к знаниям, заканчивающим учебу в колледже, а также родителям, преподавателям, молодым рабочим, служителям церкви – всем, кто интересуется этими вопросами и хочет определиться с ними. Родители-христиане и преподаватели-христиане как правило совершают несколько типичных ошибок. Иногда они учат фундаментализму – безграмотному и бездумному. Это такой особый вид обучения, лишь имитирующий ответы на вопросы. "Ной взял с собой на ковчег динозавров" – ответы такого типа могут удовлетворить только ребенка, и то недолго. Примитивные "как бы ответы" не могут отвечать требованиям студента университета, который получает порядочную дозу научных знаний по полной программе, что дает просто ошеломительный эффект. После же такой встряски часто случается следующее. Ребенок в школе не способен самостоятельно найти ответы на вопросы, особенно если он не имеет отношения к научной среде или ему недоступна научная информация. Я помню, как сам учился в старших классах, и после некоторых занятий, которые проводились с жестким уклоном в материализм и атеизм, задавал своему пастору множество вопросов. Мои вопросы касались самих основ, и это вовсе не значит, что я пытался каким-то образом отойти от веры или уйти в какие-то экстремальные течения. Существует множество подобных случаев. Так что этот вариант неприемлем.

Вторая типичная ошибка, ничуть не лучше первой – делать вид, что никакого конфликта не существует, что эволюция – это только способ, который использовал Бог для сотворения жизни. Такое объяснение тоже совершенно неприемлемо. Когда ученик узнает больше об эволюции, он понимает, что научное понимание эволюции полностью исключает роль Бога. Эволюция – это неразумный, лишенный цели, неуправляемый процесс, и Бог не имеет к нему никакого отношения. Многие принимают компромиссное решение, утверждая, что верят в руководимую Богом эволюцию. Таким образом они пытаются примирить эволюцию и религию. Но если Бог руководит эволюцией, это не может быть эволюцией в понимании ученых. Это просто медленное сотворение, потому что научная картина, как я уже говорил, построена на материализме и задача науки – не пускать божественное на порог. Это – лишь кажущийся компромисс, и в результате получивший достаточно информации ученик поймет это и скажет: "Что ж, то, чему меня учили – неправда. Теперь я забуду все это, и узнаю правду, которую даст мне наука, а она – в материализме". Кое-кто из таких учеников, между прочим, останется в церкви, и это хуже всего, потому что все церкви основных конфессий – протестантской и римско-католической – разрушаются изнутри людьми, говорящими: "Оставьте все эти старые песни про грех и спасение с Библией вместе, давайте займемся современными проблемами – феминизмом, правами гомосексуалистов, защитой окружающей среды". И это – следствие натуралистического образа мысли. Вам приходится не только рассказывать об эволюции, вам приходится говорить о ней намного больше, чем требует от вас система школьного образования. Вам нужно рассказать все факты, и особенно обратить внимание на образ мышления, стоящий за теорией. Образ мысли, философия, намного важнее, чем все доказательства вместе взятые. Я попытался показать людям, как именно это можно сделать. И это можно сделать, это реально. Если не получится сделать это в школах, мы можем говорить об этом дома. Стоит лишь попытаться выяснить мнение спрашивающего, он начинает смущаться, уходит в защиту, говоря что-то типа ... "я, собственно, всего лишь хотел спросить о динозаврах"... На эту работу не понадобится много времени. Этому очень просто научиться, и многие родители учатся уже сейчас. А когда обучающиеся дома молодые люди, которым рассказывают о сути этого конфликта, поступят через несколько лет в университеты, это будет иметь большой резонанс. Собственно говоря, процесс уже начался.

AGAIN: Книга "Раскрытие умов, побеждающее дарвинизм" – это та, что выпущена в этом году издательством Inter-Varsity Press?

Ф. Джонсон: Книга вышла в июле, и в печати еще более 50 тысяч копий, если я не ошибаюсь, и ожидается, что в ближайшие несколько месяцев весь тираж будет продан.

AGAIN: У меня не сложилось впечатление, что вас можно считать креационистом, верящим в шесть дней творения. Похоже, вы не придерживаетесь этой терминологии. А какова ваша точка зрения на это?

Ф. Джонсон: Люди, задумываясь о проблеме, делают одну большую ошибку: они считают, что главное – ответить на все вопросы прежде чем начать научное исследование. Так поступают дарвинисты, так поступает множество религиозных фундаменталистов. Давайте верить в то, во что мы хотим верить. Потом уже обратимся к фактам, чтобы подтвердить это. Мне не нравится такой подход – давать ответы без доказательств. Мы не можем дать ответы на многие из действительно важных вопросов – мы не проводили никаких научных исследований по этим вопросам. Чего у нас было в избытке – исследований и поисков подтверждения материалистической точки зрения. Наша задача – разъединить наконец материалистическую философию и научный поиск, и поставить вопрос: "Подумайте, не говорят ли факты о том, что должен быть Творец? И, осознав это, не нужно ли нам пересмотреть все выводы, что были построены на отрицании Творца?" Если вы пытаетесь ответить на вопросы до проведения исследования, это только уводит в сторону от ответов. Поэтому я и говорю людям: "Перестаньте думать о том, как связать Книгу Бытия и научные данные, покуда мы не получили подробную картину научных фактов." Большинство просто не может этого понять, и мучается вопросом: как все же Ною удалось запихнуть всех этих зверей на свой ковчег? Просто наваждение какое-то!

AGAIN: Ближе к концу Вашей книги "Раскрытие умов..." Вы говорите, что если бы в наше время была сделана новая постановка "Ветра в наследство" с полным набором персонажей – фанатик, ограниченный, человек, представляющий традиции прошлого, и независимый мыслитель, бросающий вызов обществу, а также пробуждающаяся у общественности сознательность – то расстановка сил бы полностью изменилась. Когда же придет такой день, и сможет ли открытость мысли и новое сознание окрепнуть настолько, чтобы все эти проблемы можно было рассматривать без предрассудков прошлых лет?

Ф. Джонсон: Все это возможно. Собственно, уже сейчас мы видим закат века материализма. Этот век определяли, в частности, три мыслителя – Дарвин, Маркс и Фрейд. Можно добавить еще и Ницше. Ницше провозгласил смерть Бога. Дарвин снабдил убийцу оружием. Маркс обеспечил социальные последствия. А Фрейд повлиял на разум и культуру. Все здравомыслящие историки согласны, что эти фигуры были основными в двадцатом веке, и их идеи имели глубокий отпечаток на всем, что происходило. Но это столетие подходит к концу. Марксизм потерял статус науки, и сохранился только в нескольких бастионах, где прячутся от реальности сумасшедшие профессора. Фрейдизм заслужил всеобщее презрение. Очередь за дарвинизмом, и мне кажется, это будет коренным переворотом. Ему уже нет дороги в Царство Небесное. Мне кажется, что в начале двадцать первого века возникнет та же ситуация, что и в первом веке, о котором мы знаем из писем апостола Павла. Мы встретимся с огромным выбором религиозных возможностей. Учение Новая Эра (Нью Эйдж) займет место ереси гностиков времен Павла. Будут и люди, служащие идолам, в том числе – одухотворяемой форме эволюции. Но все же я считаю, что царствованию научного материализма приходит конец, и когда это наконец-то случится, это будет грандиозным культурным потрясением.